

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

А. Г. Кибальник

**СОВРЕМЕННОЕ
МЕЖДУНАРОДНОЕ
УГОЛОВНОЕ ПРАВО**

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Алексей Кибальник

**Современное международное
уголовное право**

«Юридический центр»

2003

УДК 341.4
ББК 67.408

Кибальник А. Г.

Современное международное уголовное право /
А. Г. Кибальник — «Юридический центр», 2003 — (Теория и
практика уголовного права и уголовного процесса)

ISBN 5-94201-157-5

В работе рассматривается концепция современного международного уголовного права, его задачи и принципы. Сформулировано понятие международного уголовного права, его задачи, предмет и методы на основе широкого круга источников. Сделан принципиальный вывод о формировании международного уголовного права как самостоятельной отрасли, определяющей преступность деяния и пределы ответственности за его совершение, а также регламентирующей иные уголовно-правовые вопросы в целях охраны мирового правопорядка. Проанализированы отраслевые принципы международного уголовного права: индивидуальной ответственности, *nullum crimen sine lege*, *nullum poena sine lege*, *ne bis in idem*, недопустимости ссылок на официальный статус и приказ. При этом изучение названных принципов проведено через понимание материального правоотношения ответственности в международном уголовном праве. Особо рассмотрена проблема ответственности государства и юридических лиц в международном уголовном праве, реализация задач международного уголовного права посредством его применения как в международной, так и в национальной уголовной юрисдикции. Для студентов, аспирантов, преподавателей и всех интересующихся проблемами международного права.

УДК 341.4

ББК 67.408

ISBN 5-94201-157-5

© Кибальник А. Г., 2003

© Юридический центр, 2003

Содержание

Предисловие	8
Глава I	9
§ 1. Понятие международного уголовного права	9
§ 2. Предмет и методы международного уголовного права	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Григорьевич Кибальник

Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы

© А. Г. Кибальник, 2003

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003

Уважаемый читатель!

Вы открыли книгу, входящую в серию работ, объединенных общим названием «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса».

Современный этап развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства напрямую связан с происходящими в России экономическими и политическими преобразованиями, которые определили необходимость коренного реформирования правовой системы. Действуют новые Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы, с 1 июля 2002 г. вступил в силу Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В этих законах отражена новая система приоритетов, ценностей и понятий, нуждающихся в осмыслении. Появившиеся в последнее время комментарии и учебники по данной тематике при всей их важности для учебного процесса достаточно поверхностны. Стремление познакомить читателя с более широким спектром проблем, с которыми сталкиваются как теоретики, так и практики, и породило замысел на более глубоком уровне осветить современное состояние отраслей криминального цикла. Этой цели и служит предлагаемая серия работ, посвященных актуальным проблемам уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

У истоков создания настоящей серии книг стояли преподаватели юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Впоследствии к ним присоединились ученые Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербургского университета МВД и других вузов России, а также ряд известных криминалистов, обладающих большим опытом научных исследований в области уголовного права, уголовно-исполнительного права, криминологии, уголовного процесса и криминалистики.

В создании серии принимают участие и юристы, сочетающие работу в правоохранительных органах, других сферах юридической практики с научной деятельностью и обладающие не только богатым опытом применения законодательства, но и способностями к научной интерпретации результатов практической деятельности.

С учетом указанных требований формировалась и редакционная коллегия, которая принимает решение о публикации.

Предлагаемая серия основывается на действующем российском законодательстве о противодействии преступности и практике его применения с учетом текущих изменений и перспектив развития. В необходимых случаях авторы обращаются к опыту зарубежного законодательства и практике борьбы с преступностью, с тем, чтобы представить отечественную систему в соотношении с иными правовыми системами и международным правом.

Подтверждением тому служат следующие вышедшие из печати работы Б. В. Волженкина «Экономические преступления», В. И. Михайлова и А. В. Федорова «Таможенные преступления», Е. В. Топильской «Организованная преступность», М. Н. Становского «Назначение наказания», В. Б. Малинина «Причинная связь в уголовном праве», Д. В. Ривмана и В. С. Устинова «Виктимология», В. М. Волженкиной «Нормы международного права в российском

уголовном процессе», Р. Д. Шарапова «Физическое насилие в уголовном праве», М. Г. Миненка и Д. М. Миненка «Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы», С. Д. Шестаковой «Состязательность в уголовном процессе», И. Ю. Михалева «Криминальное банкротство», Г. В. Овчинниковой, М. Ю. Павлика, О. Н. Коришиновой «Захват заложника», А. Н. Попова «Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах», О. В. Старкова, С. Ф. Милокова «Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ», А. Л. Протопопова «Расследование сексуальных убийств», С. А. Алтухова «Преступления сотрудников милиции», В. Г. Павлова «Субъект преступления», Ю. Е. Пудовочкина «Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву», И. М. Тяжковой «Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности», В. М. Борисенко, К. И. Егорова, Г. Н. Исаева, А. В. Сапсая «Преступления против военной службы», А. А. Майорова, В. Б. Малинина «Наркотики: преступность и преступления», Г. В. Назаренко «Невменяемость: уголовно-релевантные психические состояния», Б. В. Волженкина «Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления)», 2-е изд., дополненное и расширенное, А. А. Струковой «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте: уголовно-правовая характеристика», С. С. Тихоновой «Прижизненное и посмертное донорство в РФ: вопросы уголовно-правового регулирования», А. В. Мадьяровой «Разъяснения Верховного Суда РФ в механизме уголовно-правового регулирования», М. Л. Прохоровой «Наркотизм: уголовно-правовая характеристика», Л. А. Андреевой, И. Ю. Константинова «Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность», И. В. Александрова «Налоговые преступления», Л. С. Аустовой «Незаконное предпринимательство», и др., в которых анализируются современные проблемы борьбы с преступностью.

Надеемся, что найдем в Вас взыскательного читателя, если Ваша принадлежность к юридико-образовательной или правоприменительной деятельности вызовет интерес к этой серии книг.

**Редакционная коллегия
Февраль 2003 г.**

Предисловие

Социально-экономические и политические процессы, происходящие в России, усиливают интеграцию нашей страны в мировое сообщество, в том числе – в мировую правовую систему. Впервые, с принятием Конституции РФ 1993 года, в Основном законе был закреплен принцип приоритета международного права над правом национальным. В связи с этим особую ценность приобретают исследования взаимодействия отечественной правовой системы и системы международного права.

На протяжении второй половины XX в. одной из самых бурно развивающихся отраслей международного права стало международное уголовное право, что было обусловлено историческим опытом развития человечества. Итоги Второй мировой войны, закончившиеся принятием ряда основополагающих документов международного права, заложили основы современного международного уголовного права. Однако созданное в целях борьбы с преступлениями против мира и безопасности человечества международное уголовное право в дальнейшем претерпело существенную эволюцию.

Трансформация международного уголовного права вызвана потребностями времени: мир столкнулся к концу XX в. с новыми угрозами глобального масштаба. Одной из них стала угроза международной преступности, которая сейчас не менее серьезна, чем в свое время угроза мировой войны. К великому сожалению, данная угроза в наступившем XXI в. не только не ослабевает, но и становится все более опасной (достаточно вспомнить акты международного терроризма, потрясшие Соединенные Штаты Америки и весь мир в сентябре 2001 г.).

Ответом на вызов глобализации преступности должно стать форсированное развитие международного уголовного права, перспективы которого связываются с политической интеграцией мирового сообщества в субъекта глобальной уголовной политики, обладающего универсальной юрисдикцией и способного кардинально решить проблему организации эффективной борьбы с преступностью.

На рубеже веков страны – члены ООН особо отметили «необходимость более тесной координации и сотрудничества между государствами в решении мировой проблемы преступности, учитывая, что борьба с ней является общей и совместной обязанностью».¹

В настоящее время интерес к международному уголовному праву резко возрос и в нашей стране – только за последние четыре года вышло несколько монографических исследований, посвященных изучению международного уголовного права.²

В то же время сохраняются различные (порой, взаимоисключающие) подходы в определении самого международного уголовного права, его основных институтов, проблем взаимодействия с национальными уголовно-правовыми системами. До сих пор не совсем ясно соотношение материальных и процессуальных начал в международном праве. Малоизученными являются отраслевые принципы международного уголовного права; не всегда имеется ясное представление о задачах международного уголовного права.

И это лишь небольшой перечень проблем, связанных с пониманием самого юридического феномена международного уголовного права.

Все вышесказанное обуславливает актуальность темы исследования и требует выработки обоснованного подхода в концептуальном понимании международного уголовного права как такового, его отраслевых принципов, задач, способов и методов решений последних.

¹ Статья 4 Венской декларации о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века // A/CONF.187/4/Rev.3.

² Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. М., 1999; Международное уголовное право / Под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1995 (2-е изд.: М., 1999); Панов В. П. Международное уголовное право. М., 1997; Цепелев В. Ф. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. М., 2001.

Глава I

Международное уголовное право как отрасль международного права

§ 1. Понятие международного уголовного права

Мысль о необходимости существования международного уголовного права отнюдь не нова. Еще в конце XIX в. российский юрист Н. М. Коркунов обосновывал необходимость создания международного уголовного права тем, что нормы последнего призваны служить защитой принципов межгосударственного сотрудничества.³

В отечественной науке концептуальные основы международного уголовного права были заложены профессором Ф. Ф. Мартенсом, отметившим, что международное уголовное право «заключает в себе совокупность юридических норм, определяющих условия международной судебной помощи государств друг другу при осуществлении ими своей карательной деятельности в области международного общения».⁴

Исторический опыт XX в. заставил по-новому подойти к проблеме теоретического понимания международного уголовного права. При этом спорным стал вопрос о признании самого факта существования последнего. Так, по замечанию И. И. Карпеца, «дискуссионен вопрос не только о понятии международного уголовного права, но и том, необходима ли вообще такая отрасль права, имеет ли она право на существование».⁵

Наличие уголовно-правовых норм в международном праве не вызывает в настоящее время сколько-нибудь серьезных возражений. Об этом свидетельствует большое количество самых разных международно-правовых документов, принятых с середины XX в. Мы не ставим своей задачей проанализировать исторические предпосылки появления тех или иных международных актов. Тем не менее необходимо отметить, что их принятие, как правило, обусловливалось задачей межгосударственного сотрудничества в поддержании мирового порядка. В последний обычно включались и задачи борьбы с международной преступностью, а также предотвращения и наказания преступлений международного характера.

Такой подход в понимании необходимости международно-правовой регламентации борьбы с преступлениями на межгосударственном уровне сохраняют и новейшие документы международного права. Так, например, ст. 2 Декларации Организации Объединенных Наций о преступности и общественной безопасности 12 декабря 1996 года прямо указывает на обязанность государств-членов способствовать «расширению сотрудничества и помощи в правоохранительной области на двусторонней, региональной, многосторонней и глобальной основе, в том числе заключению в соответствующих случаях соглашений о взаимной юридической помощи, в целях содействия выявлению, задержанию и преследованию лиц, которые совершают опасные транснациональные преступления или каким-либо иным образом несут за них ответственность, и в целях обеспечения эффективного международного сотрудничества правоохранительных и других компетентных органов».⁶

³ Коркунов Н. М. Опыт конструкции международного уголовного права // Журнал уголовного и гражданского права. СПб., 1889. № 1.

⁴ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. II. СПб., 1896. С. 379.

⁵ Карпец И. И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 12.

⁶ Резолюция 51/60 Генеральной Ассамблеи ООН.

В отечественной и мировой теории понимание международного уголовного права преимущественно развивалось в ключе его определения как отрасли международного публичного права. При этом на настоящий момент существует несколько основных доктрин, определяющих сущность данной юридической отрасли.

Сторонники преобладающего направления российской теории международного права подчеркивали, что международное уголовное право – «находящаяся в стадии становления специфичная отрасль международного права».⁷ Таким образом, международному уголовному праву фактически отказывалось в «праве» на самостоятельное существование.

Однако в последнее время интерес к проблеме существования международного уголовного права существенно возрос. Тем не менее в концептуальной своей основе подход к определению международного уголовного права как отрасли международного публичного права остался прежним.

Всего тридцать лет назад в науке одной из господствующих была позиция, согласно которой международное уголовное право как отрасль международного права отсутствует.⁸

Однако в дальнейшем положение вещей серьезно изменилось.

Так, например, И. И. Лукашук и А. В. Наумов определили международное уголовное право как отрасль международного публичного права, принципы и нормы которой регулируют сотрудничество государств и международных организаций в борьбе с преступностью.⁹

В. П. Панов предложил под международным правом понимать систему принципов и норм, регулирующих сотрудничество государств в борьбе с преступлениями, предусмотренными международными договорами.¹⁰

Существует иная концепция, согласно которой международное уголовное право – это комплексная отрасль, включающая в себя материальные и процессуальные нормы, которые, в свою очередь, могут относиться как к международному публичному, так и к международному частному, а также к национальному уголовному праву (Ю. А. Решетов).¹¹

Практически на этих же позициях стоит ряд других авторов – общим для них является то, что при определении международного уголовного права сохраняются тенденции к определению его несамостоятельности как правовой отрасли, либо идет речь о комплексных предметах правового регулирования и Источниковой базы.

Так, о комплексном характере международного уголовного права говорили такие международники, как Д. Дж. Бешаров (D. J. Besharov), Я. Динштейн (Y. Dinstein), М. Ш. Бассиони (M. Ch. Bassiouni).¹²

В одном из новейших исследований международное уголовное право определялось как система международно-правовых принципов и норм, определяющих составы международных преступлений и преступлений международного характера, регулирующих деятельность органов международной юстиции, а также вопросы оказания межгосударственной помощи по уголовным делам.¹³

Н. И. Костенко, говоря о международном уголовном праве как о «комплексной, самостоятельной отрасли международного публичного права», указывает, что оно представляет

⁷ Курс международного права: В 7 т. / Под ред. Н. А. Ушакова. М., 1992. Т. 6 С. 192–194.

⁸ Галенская Л. Н. О понятии международного уголовного права // Советский ежегодник международного права. 1969. М., 1970. С. 247.

⁹ Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. М., 1999. С. 9.

¹⁰ Панов В. П. Международное уголовное право. М., 1997. С. 15.

¹¹ Решетов Ю. А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. М., 1983. С. 63.

¹² Besharov D. J. Evolution and Enforcement of International Criminal Law // International Criminal Law. N.Y., 1986. Vol. 1. P. 59–60; Dinstein Y. International Criminal Law // Israel Law Review. Jerusalem, 1985. Vol. 20. N 2–3. P. 206–208; Bassiouni M. Ch. Characteristics of International Criminal Law Conventions // International Criminal Law. N.Y., 1986. Vol. 1. P. 1.

¹³ См.: Каюмова А. Р. Международное уголовное право (становление и современные тенденции развития). Автореф. дис... канд. юрид. наук. Казань, 1996. С. 7, 14–15.

собой систему общепризнанных международно-правовых принципов и норм, регулирующих сотрудничество между субъектами международного права по предупреждению и привлечению виновных лиц за совершение международных преступлений и преступлений международного характера, а также «оказанию судебной помощи, проведению расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства, применению и исполнению меры наказания, обжалованию и пересмотру судебных решений, оказанию правовой помощи по уголовным делам...».¹⁴

Нетрудно заметить, что в данных определениях также смешаны материально-правовые, процессуальные и судостроительные начала.

В литературе высказана заслуживающая внимания позиция о том, что, «только основываясь на концепции многоуровневой международной правосубъектности», можно создать единую концепцию международного уголовного права.¹⁵

Попытаемся проанализировать основные доктринальные подходы в понимании юридической природы международного уголовного права на основе рассмотрения действующих международно-правовых норм, а также сформулировать наше понимание современного международного уголовного права, его предмета, методов и системы в целом.

Тенденция обособления международного уголовного права как самостоятельной отрасли.

Как уже говорилось, большинство авторов отмечают *комплексный характер* международного уголовного права – т. е. тот факт, что оно объединяет в единую отрасль нормы материального и процессуального характера (а в некоторых случаях и нормы, посвященные регламентации процедуры исполнения наказания), а также нормы, относящиеся к судостроительству.

Да, действительно, многие (если не большинство) международно-правовые акты уголовно-правового характера содержат как материально-правовые, так и уголовно-процессуальные нормы. Это замечание справедливо, например, относительно уставов международных трибуналов (Нюрнбергского, Токийского, по бывшей Югославии, по Руанде). Более того, по замечанию В. Э. Грабаря, само по себе международное уголовное право изначально и главным образом было правом процессуальным.¹⁶

Однако в настоящее время наблюдается тенденция более четкого разграничения норм материального уголовного права и норм процедурного характера. Особенно явно такая тенденция проявилась в предложенном Комиссией международного права ООН Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 года,¹⁷ а также в принятом Римском Статуте Международного уголовного суда от 17 июля 1998 года.¹⁸ Названные документы впервые четко разграничивают нормы материального уголовного права и нормы процедурного характера. При этом, например в Римском Статуте Международного уголовного суда практически впервые речь идет именно о самостоятельности международного уголовного права как отрасли права.

Наметившееся формальное разделение международных уголовно-правовых норм материального характера и соответствующих им процедурных норм, а также положений о международном судостроительстве представляется закономерным этапом в становлении и развитии международного права в целом. Смешанность, «комплексность» норм международного уголовного права, отмеченная многими авторами, затрудняла (и до сих пор затрудняет) осознание места и роли международного уголовного права как такового, определение предмета и метода.

¹⁴ Костенко Н. И. Развитие концепции международного уголовного права в отечественной литературе // Государство и право. 2001. № 12. С. 88.

¹⁵ Блищенко И. П., Солнцева М. М. Мировая политика и международное право. М., 1991. С. 92.

¹⁶ Грабарь В. Э. Материалы к истории международного права в России (1647–1917). М., 1958. С. 457.

¹⁷ Российская юстиция. 1995. № 12. С. 51–54.

¹⁸ A/CONF. 183/9. Russian.

Тенденция к «возрастанию самостоятельности» материального международного уголовного права носит принципиально важный характер – именно она позволяет говорить о том, что международное уголовное право приобретает характеристики самостоятельной отрасли права.

Конечно, пока речь идет только о тенденции. Но сам факт того, что международное сообщество стремится к созданию универсального международного уголовного законодательства (а, как известно, первый проект Международного Уголовного кодекса был предложен еще в 1954 г.), сопровождается еще одной параллельной тенденцией – созданием международного уголовного процесса также как самостоятельной отрасли права.

Надо отметить, что в теории положительно оценивается становление самостоятельного международного уголовного процесса («международного уголовного судопроизводства»).¹⁹

Тенденция к самостоятельности такой отрасли, как международное уголовное право в собственном смысле этого слова – т. е. правовой отрасли материального характера, – позволяет более четко разграничить предмет и метод правового регулирования между международно-правовыми установлениями материального, процессуального и судоустройственного характера.

Нельзя не согласиться с Е. Т. Усенко в том, что «каждой материальной отрасли национального права, как известно, соответствует процессуальное право, в принципе обособленное, а в науке международного права почему-то считается допустимым смешивать все воедино... Смешение в международном праве материальных и процессуальных норм порождает немалые затруднения».²⁰

Представляется, что данная мысль весьма подходит к идее разъединения в международном праве материальных и процессуальных норм. Об этом говорит и само развитие международного уголовного права – подтверждением этому служат попытки кодификации норм и принципов международного права, имеющих уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение. Такая направленность в эволюции норм международного права логически все-таки завершится принятием Международного Уголовного кодекса.

Тем не менее, на наш взгляд, уже сейчас можно говорить о все большей самостоятельности международного материального уголовного права. Так, например, своеобразная кодификация составов преступлений, подсудных Международному уголовному суду, проведена во второй части Римского Статута Международного уголовного суда («Юрисдикция, приемлемость и применимое право»). Более того, часть третья этого же документа посвящена регламентации общих принципов материального уголовного права. Что же касается вопросов процедуры и судоустройства, то она в названном Статуте регламентирована отдельно.

Кроме того, и ранее принятые международные договоры, имеющие уголовно-правовой характер, довольно четко разграничивают вопросы материального права и процедуры. С другой стороны, это свидетельствует, о том, что данные документы являются одновременно источниками как уголовно-материальных, так и процессуальных норм. Но, как справедливо отмечает подавляющее большинство авторов, такая отрасль права, как международное уголовное право, находится в стадии становления.²¹ И результатом такой эволюции видится окончательное оформление международного уголовного права в самостоятельную правовую отрасль.²²

¹⁹ Костенко Н. И. Судопроизводство Международного уголовного суда – основа международного уголовного процесса // Государство и право. 2001. № 2. С. 64–70; Лобанов С. А. Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях // Государство и право. 1998. № 5. С. 76–84.

²⁰ Усенко Е. Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 25.

²¹ См., напр.: Курс международного права. Т. 6 / Под ред. Н. А. Ушакова. М., 1992. С. 12.

²² Отметим суждение В. Ф. Цепелева: «Тенденции развития международного уголовного права таковы, что в результате сближения, взаимопроникновения международной и внутригосударственной (национальной) систем права, международное уголовное право все более движется к оформлению в качестве самостоятельной синтезированной отрасли права, находящейся на стыке этих двух систем». См.: Цепелев В. Ф. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. М., 2001. С. 72.

Причем наряду с данной отраслью в качестве самостоятельной будет выступать международный уголовный процесс.

И хотя это довольно смелый вывод, но все же, на наш взгляд, уже можно говорить о том, что международное уголовное право практически приобрело черты **самостоятельной отрасли**. Данный вывод основан на том факте, что международное уголовное право регулирует целый участок однородных правовых отношений и интересов, а также на том, что у международного уголовного права все в большей мере оформляется специфический режим юридического регулирования.

При этом, конечно, международное уголовное право по своему определению является составной частью системы международного права в целом. В этом суждении, на наш взгляд, нет кардинального противоречия, ведь система международного права в целом представляет собой совокупность различных отраслей международного права.

По поводу определения международного уголовного права один из наиболее авторитетных специалистов-международников И. П. Блищенко справедливо указал, что выработка понятия международного уголовного права должна начинаться с определения таких явлений, которые оно призвано регулировать и охранять, а также таких, с которыми оно призвано вести борьбу.²³

Думается, что ключевым «явлением», позволяющим сформулировать понятие международного уголовного права, является событие преступления, как таковое определенное в нормах международного права. Соответственно производным «явлением» можно считать пределы ответственности субъекта по международному уголовному праву.

При этом вопросы ответственности необходимо понимать шире, нежели классическую наказуемость деяния. Во-первых (и мы не раз будем оговариваться на сей счет), в актах международного уголовного права определение наказания является скорее исключением, нежели правилом. Во-вторых, международное право нередко регламентирует не столько вопрос о виде или размере наказания, сколько иные вопросы наступления ответственности за совершенное деяние (например, вопросы экстрадиции, преодоления уголовно-правовых иммунитетов и проч.)

В связи с этим можно утверждать, что международное уголовное право регулирует другие материально-правовые вопросы наступления уголовной ответственности.

Практически все авторы указывают, что задачей (целью) международного уголовного права является борьба с международной преступностью, преступлениями международного характера, защита мира и т. п.

Соглашаясь в принципе со всеми приведенными утверждениями, можно резюмировать: определение преступности деяния и пределов ответственности за его совершение в конечном итоге ставит своей целью обеспечение мирового правопорядка. Реализацией данной цели пропитаны «буква и дух» актов международного уголовного права, а ее достижение возможно путем применения международного уголовного права как в международной, так и в национальной уголовной юрисдикции (данный вопрос будет рассмотрен подробно).

Сейчас же представляется возможным определить концептуальные моменты для выработки понятия международного уголовного права.

1. Новейшие документы международного уголовного права дают основания полагать, что важным критерием выделения международного уголовного права (в материально-правовом смысле) является определение преступности деяния по международному праву. Преступность деяния означает прямую его запрещенность в международно-правовом акте. В международном уголовном праве должен определяться субъект ответственности.

²³ Международное уголовное право. / Под ред. В. Н. Кудрявцева. 2-е изд. М., 1999. С. 8.

2. Международное уголовное право регламентирует пределы ответственности за совершение такого деяния в материально-правовом смысле (наступление ответственности, течение сроков давности и проч.) Процедурные вопросы реализации ответственности и осуществления уголовного преследования являются предметом международного уголовно-процессуального права.

3. Субъект применения международного уголовного права, регламентация деятельности последнего также не должны быть предметом материально-правового регулирования в международном уголовном праве – тем более, что субъектом правоприменения может быть не только международный, но и национальный правоприменительный орган.

4. Международное уголовное право, являясь составной частью международного права, оказывает определенное влияние на формирование национального уголовного права. Более того, через национальное уголовное право происходит реализация задач международного уголовного права. Однако, обладая приоритетом над национальным уголовным правом (в силу конституционных предписаний большинства государств) и отличаясь по субъекту принятия, международное уголовное право не может отождествляться с национальным уголовным правом либо включать в себя последнее.

5. Международное уголовное право как самостоятельная отрасль международного права должно иметь собственные предмет и методы правового регулирования. Соответственно вполне справедливо говорить о самостоятельной Источниковой базе данной отрасли.

Нельзя не согласиться с И. П. Блищенко и И. В. Фисенко в том, что включение в международное уголовное право норм национального права необоснованно: в этом случае любую отрасль международного права можно отнести к комплексной отрасли, так как «ее принципы и нормы осуществляются на территории государства, с помощью норм национального законодательства».²⁴

Тем не менее в дальнейшем мы постараемся обосновать позицию, согласно которой реализация задач международного уголовного права возможна и через национальное уголовное право.

Все это позволяет определить международное уголовное право как **самостоятельную отрасль, входящую в единую систему международного права, состоящую из международно-правовых норм и решений международных организаций, определяющих преступность деяния и пределы ответственности за его совершение, а также регламентирующих иные уголовно-правовые вопросы в целях охраны мирового правопорядка.**

И, наконец, необходимо определить взаимосвязь международного уголовного права с другими отраслями права.

Наиболее тесную связь исследуемая отрасль имеет с национальным уголовным правом. Взять хотя бы тот факт, что национальное уголовное законодательство различных стран в значительной мере формировалось на протяжении второй половины XX в. под непосредственным воздействием международного уголовного права. Исследованию вопроса о взаимодействии международного уголовного и национального уголовного права посвящена гл. IV данной работы.

Реализация международного уголовного права происходит в рамках международного и национального уголовного процессуального права. Уголовное судопроизводство производится посредством деятельности органов международной уголовной юстиции, осуществляющих на международном и национальном уровнях расследование, рассмотрение и разрешение уголовных дел о преступлениях, регламентированных международным уголовным правом.²⁵

²⁴ Блищенко И. П., Фисенко И. В. Международный уголовный суд. М., 1998. С. 11.

²⁵ Сходная точка зрения предлагалась применительно к определению уголовного судопроизводства по ряду международ-

Международное уголовное право тесно связано с криминологией – в первую очередь это обусловлено задачей поддержания мирового правопорядка, в которую безусловно включается борьба с международной преступностью. По этому поводу в литературе было удачно отмечено, что не случайно основные стандарты, нормы и правила ООН начинаются со слов «предупреждение преступности», а совершенствование международного уголовного права в первую очередь связывается с предупредительной деятельностью государств и международных организаций.²⁶

И, конечно, в силу того, что международное уголовное право является составной частью единой системы международного права, оно тесно связано с иными отраслями международного права – международным гуманитарным, международным морским, международным воздушным, международным экономическим и другими отраслями.

Видимо, именно эта тесная взаимосвязь дает основание для высказанного мнения о том, что международное уголовное право призвано бороться с проявлениями преступности в иных отраслях международного права.²⁷

ных преступлений. См.: Лобанов С. А. Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях // Государство и право. 1998. № 5. С. 79.

²⁶ Панов В. П. Международное уголовное право. М., 1997. С. 21.

²⁷ Международное уголовное право / Под общ. ред. В. Н. Кудрявцева. 2-е изд. М., 1999. С. 13.

§ 2. Предмет и методы международного уголовного права

Как ни странно, но большинство отечественных авторов попросту умалчивают о выделении самостоятельного *предмета* правового регулирования, присущего международному уголовному праву.

Обратных примеров немного.

В 40-х годах XX в. определение предмета международного уголовного права исходило из задач борьбы за мир, борьбы с преступлениями, которые были сформулированы в Уставе Нюрнбергского трибунала.²⁸

Так, П. С. Ромашкин считал, что предметом регулирования международного уголовного права являются те отношения между государствами, которые складываются в процессе координирования их борьбы с международными преступлениями.²⁹ Такая позиция разделялась большинством авторов.³⁰

Вместе с тем И. И. Лукашук и А. В. Наумов полагают, что международное уголовное право регулирует «межгосударственные отношения, т. е. отношения с участием государств и международных организаций».³¹

Большинство же исследователей просто констатируют, что для международного уголовного права характерно сохранение международного правопорядка «в целом с помощью специальных уголовно-правовых методов и средств». При этом международное уголовное право призвано бороться с преступностью в области международного морского права, международного воздушного права, дипломатического права, международного экономического и финансового права и т. д.³²

Однако факт возрастания «самостоятельности» международного уголовного права заставляет говорить о необходимости определения самостоятельных его предмета и метода (а вернее – предмета и методов).

В общей теории права под предметом правового регулирования обычно понимаются «особый участок общественной жизни, особый вид однородных общественных отношений», регламентируемый той или иной отраслью права.³³

Попробуем определиться с пониманием предмета международного уголовного права.

Как известно, предмет любой отрасли права носит всегда комплексный характер.

Какой вид общественных отношений регулирует международное уголовное право? На первый взгляд, и это отмечается практически всеми авторами, международное право регламентирует отношения, возникающие по поводу строго определенных юридических фактов – совершения виновным лицом (лицами) деяния, признанного международным преступлением. При этом такое деяние может быть преступлением по общему международному праву либо преступлением международного характера.

Да, действительно, большинство действующих актов международного права содержит непосредственное указание на то, что они применимы в случае совершения строго определенных деяний.

²⁸ См.: Трайнин А. Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956. С. 36–39.

²⁹ Ромашкин П. С. К вопросу о понятии и источниках международного уголовного права // Советское государство и право. 1948. № 3. С. 26.

³⁰ См., напр.: Левин Д. Б. О понятии и системе современного международного права // Советское государство и право. 1947. № 5.

³¹ Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право. М., 1999. С. 9.

³² Международное уголовное право / Под общ. ред. В. Н. Кудрявцева. 2-е изд. М., 1999. С. 13.

³³ См., напр.: Алексеев С. С. Право. М., 1999. С. 44–45.

Так, например, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 года (далее – Конвенция о геноциде)³⁴ прямо перечисляет в ст. II деяния, образующие названное преступление: «В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; д) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

Подобные установления характерны для многих других документов (ст. 2 Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов от 14 декабря 1973 года;³⁵ ст. 1 международной Конвенции о борьбе с захватом заложников от 18 декабря 1979 года³⁶ и проч.)

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев нормы международного уголовного права в первую очередь, регулируют *охранительные* отношения, возникающие в связи с совершением виновным лицом вполне определенного юридического факта – *деяния, преступность которого установлена в международном уголовном праве.*

Кроме того, в ряде случаев можно увидеть ситуацию, когда в международно-правовом акте преступное деяние только называется, при этом отсутствует его содержательное определение. Так обстоит дело, например, в ст. 36 Единой конвенции о наркотических средствах от 30 марта 1961 года.³⁷

Отметим сразу, что подавляющее большинство международно-правовых актов, устанавливающих преступность деяния, содержит указания на обязательность соответствующих изменений в национальных уголовных законах стран-участников. Вопрос о соотношении международного уголовного и национального уголовного права будет рассмотрен в гл. IV настоящей работы.

Полагаем, что следует остановиться на такой важной проблеме: как определить предмет правового регулирования в случае, когда преступность деяния определена одновременно в национальном и международном уголовном праве?

С одной стороны, в силу II принципа международного права, признанного Уставом Нюрнбергского трибунала, то обстоятельство, что по внутреннему праву не установлено наказания за какое-либо действие, признаваемое по международному праву преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву.³⁸ Казалось бы, международное уголовное право обладает абсолютным приоритетом в регулировании общественных отношений по поводу совершения преступления, предусмотренного в его установлениях.

³⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 12. Ст. 244.

³⁵ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 33. М., 1979. С. 90–91.

³⁶ Сборник международных договоров СССР. Вып. 43. М., 1989. С. 100.

³⁷ «С соблюдением своих конституционных ограничений каждая Сторона принимает такие меры, которые обеспечат, что культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, распределение, покупка, продажа, доставка на каких бы то ни было условиях, маклерство, отправка, перевозка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств в нарушение постановлений настоящей Конвенции и всякое другое действие, которое, по мнению Сторон, может являться нарушением постановлений настоящей Конвенции, будут признаваться наказуемыми деяниями в тех случаях, когда они совершены умышленно...» См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 23. М., 1970. С. 135.

³⁸ Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого трибунала // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Под ред. И. А. Ледях и И. И. Лукашука. М., 1995. С. 113.

С другой стороны, в современном международном уголовном праве отмечается тенденция признания того, что оно всего лишь «дополняет национальные органы уголовной юстиции», а «обязанностью каждого государства» является осуществление его собственной, национальной уголовной юрисдикции в случае совершения преступлений, предусмотренных в международном уголовном праве (преамбула Римского Статута Международного уголовного суда).

Хотя, справедливости ради, надо отметить, что в теории и практике международного уголовного права имеется и другая тенденция – тенденция признания абсолютного и неоспоримого приоритета применения нормы международного права вне зависимости от национального права. Так, например, в соответствии со ст. 2 Проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, «квалификация какого-либо действия или бездействия в качестве преступления против мира и безопасности человечества не зависит от внутригосударственного права».³⁹ Однако данная тенденция не получила законодательного оформления, и этот факт также подтверждает понимание того, что международное уголовное право и национальное уголовное право являются различными отраслями права со своим предметом регулирования.

Кроме того, в силу положений п. «а» ст. 17 принятого Римского Статута Международного уголовного суда одним из оснований невозможности осуществления юрисдикции Международного уголовного суда (и, соответственно, применения нормы международного уголовного права напрямую) является осуществление национальной юрисдикции государства за совершенное международное преступление.

Таким образом, если национальный уголовный закон предусматривает ответственность за международное преступление, то охранительные общественные отношения по поводу данного юридического факта становятся предметом правового регулирования национального уголовного закона. Сказанное еще раз подтверждает мысль о том, что сферы действия международного и национального права различны.

Однако в силу конституционных предписаний большинства стран (ч. 4 ст. 15 Конституции России, ст. 25 Конституции Федеративной Республики Германии,⁴⁰ ст. 55 Конституции Франции,⁴¹ разд. 2 ст. 6 Конституции США⁴² и др.), международно-правовые акты, вступившие в силу для этих государств, включаются в национальную правовую систему и имеют приоритетное действие.

Вместе с тем может иметь место ситуация, когда в национальном законе отсутствует норма, содержащаяся в международно-правовом акте, либо такая норма не соответствует последнему. В этих случаях изначально юридическое регулирование по поводу совершения преступления, предусмотренного в международном уголовном праве, должно происходить в соответствии с установлениями последнего.

Видимо, именно эти ситуации имелись в виду в уже цитированном п. «а» ст. 17 Римского Статута Международного уголовного суда, указавшего, что Суд считает дело приемлемым и применяет нормы международного права, если государство «не желает или не способно» вести преследование или возбудить уголовное преследование должным образом. Такая «должность» должна означать соответствие нормы национального уголовного закона норме международного уголовного права. Если имеется отсутствие в национальном законодательстве подобной нормы либо ее несоответствие норме международного уголовного права, то юридический факт совершения преступления по международному уголовному праву становится основанием

³⁹ Российская юстиция. – 1995. № 12. С. 51.

⁴⁰ Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты. М., 1991. С. 34.

⁴¹ Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 43.

⁴² Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М., 1993.

для регулирования возникших общественных отношений непосредственно по международному уголовному праву.

Далее, действующее международное право дает все основания полагать, что и регламентирование иных вопросов, имеющих уголовно-правовой характер, входит в предмет правового регулирования международного уголовного права. При этом преступность самого деяния может быть установлена и не в международном, а в национальном законе.

Подтвердим сказанное на примере регламентирования материально-правовых вопросов наступления уголовной ответственности лиц, пользующихся уголовно-правовым иммунитетом в силу международного права.

В современном международном праве дипломатический иммунитет определяется как совокупность особых прав, характеризующих невосприимчивость к юрисдикции принимающего государства глав и сотрудников органов внешних сношений.⁴³ Такие права призваны обеспечить особую защиту дипломатического персонала иностранных государств, «более надежную, чем та, которую принимающие государства обязаны предоставлять частным лицам».⁴⁴

Круг лиц, на которых не распространяется уголовная юрисдикция страны пребывания, весьма обширен и определен во многих международно-правовых актах. Из них наибольшее и универсальное значение имеет Венская Конвенция о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года.⁴⁵

В силу предписаний конституционного и уголовного права большинства стран, положения об уголовно-правовом иммунитете, закрепленные в нормах международного права, действуют на территории государства непосредственно.

Согласно Венской Конвенции 1961 года на дипломатов и иных лиц, пользующихся иммунитетом по международному праву, распространяется ограниченная уголовная юрисдикция принимающего государства, которая «не может быть осуществлена принудительно».⁴⁶ С другой стороны, иммунитет в принимающем государстве не освобождает совершившее лицо от уголовной ответственности по законам посылающего государства (ч. 4 ст. 31 Венской Конвенции 1961 года).

Уголовно-правовым иммунитетом обладает, в первую очередь, «дипломатический агент», который «пользуется иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания». Этот иммунитет действует в отношении любой деятельности дипломатического агента, а также распространен на членов его семьи, постоянно проживающих вместе с ним (ч. 1 ст. 37 Венской Конвенции о дипломатических сношениях 1961 года). В силу указания ч. 2 ст. 37 этой же Конвенции, аналогичный иммунитет от уголовной юрисдикции распространяется на членов административно-технического персонала посольств (которыми признаются члены персонала представительства, осуществляющие административно-техническое обслуживание последнего – п. «f» ст. 1) и постоянно проживающих с ними членов их семей.

В соответствии с ч. 2 ст. 31 («Дипломатический агент не обязан давать показания в качестве свидетеля») и ч. 1, 2 ст. 37 Венской Конвенции 1961 года (распространяющих этот иммунитет на членов семьи дипломатического агента, членов административно-технического персонала и членов его семьи), в качестве составной части дипломатического иммунитета надо рассматривать свидетельский иммунитет. Свидетельский иммунитет указанных лиц и распространен на любые обстоятельства, о которых эти лица могут быть допрошены. Буквальное прочтение названных положений Конвенции позволяет сделать вывод о возможности отказа

⁴³ Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть. М., 1997. С. 48–49.

⁴⁴ Блищенко И. П., Жданов Н. В. Принцип неприкосновенности дипломатического агента // Советский ежегодник международного права. 1973. М., 1975. С. 191.

⁴⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1964. № 18. Ст. 221.

⁴⁶ Лукашук И. И. Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. С. 78.

от свидетельского иммунитета указанными лицами по своей инициативе. Однако и в случае такого отказа и последующего лжесвидетельства эти лица не могут привлекаться к ответственности за дачу ложных показаний (если с них не снят иммунитет от уголовной юрисдикции в целом).

Кроме того, ст. 40 Венской Конвенции 1961 года требует от властей третьего государства предоставлять иммунитет от уголовной юрисдикции в полном объеме любому лицу, пользующемуся иммунитетом согласно предписаниям Конвенции, следующему транзитом через территорию такого государства.

В Венской Конвенции 1961 года специально оговаривается время действия каждого уголовно-правового иммунитета. В соответствии с ч. 1 ст. 39, ч. 1–3 ст. 40, каждое лицо, имеющее право на привилегии и иммунитеты, начинает пользоваться ими в любом из двух случаев:

1) с момента вступления лица «на территорию государства пребывания при следовании для занятия своего поста»;

2) при нахождении лица на территории государства пребывания – «с того момента, когда о его назначении сообщается министерству иностранных дел или другому министерству, в отношении которого имеется договоренность».

Время прекращения действия иммунитета определяется как момент:

1) оставления лицом страны пребывания;

2) истечения «разумного срока» для оставления страны пребывания.

Кроме того, в Венской Конвенции 1961 года специально оговорено, что «в случае смерти сотрудника представительства члены его семьи продолжают пользоваться привилегиями и иммунитетами, на которые они имеют право, до истечения разумного срока для оставления страны пребывания» (ч. 3 ст. 39).

В относительном характере дипломатического иммунитета от уголовной юрисдикции выражается положение о «непринудительном действии» (И. И. Лукашук) местного уголовного закона в отношении лиц, обладающих таким иммунитетом. В соответствии с ч. 1 ст. 9 Венской Конвенции 1961 года, совершившего преступление члена дипломатического персонала (или члена его семьи) власти страны пребывания могут объявить *persona non grata* («нежелательной персоной»). Такое лицо должно быть отозвано аккредитуемым государством. В противном случае (при отказе в отзыве) последнее должно прекратить функции лица в представительстве. Соответственно лицо, объявленное *persona non grata* и не отзываемое аккредитуемым государством, лишается дипломатического иммунитета. В таком случае оно должно нести уголовную ответственность на общих основаниях.

Кроме того, целый ряд других уголовно-правовых иммунитетов, связанных с особым правовым статусом лица, определен в международно-правовых актах: консульский, персонала международных организаций, лиц, пользующихся международной защитой, и др.

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что нормы международного права могут регламентировать вопросы материального уголовно-правового характера и в случае, когда в этих актах ничего не говорится о преступности или наказуемости того или иного деяния.

Может ли лицо, пользующееся дипломатическим (и иным) иммунитетом в силу международного права, совершить преступление в стране пребывания? Безусловно, да. Но материально-правовые (впрочем, как и процессуальные) вопросы наступления его уголовной ответственности по закону страны пребывания определены в международно-правовых актах. А последние имеют приоритетную юридическую силу в соответствии с указаниями национального законодательства большинства современных государств (достаточно вспомнить ч. 4 ст. 15 Конституции России).

Таким образом, международное право знает примеры того, что и иные уголовно-правовые установления охранительного характера, не связанные с определением преступности и

наказуемости деяния, могут иметь обязательную и приоритетную юридическую силу. Подобным образом, например, обстоит дело с институтом выдачи лиц, совершивших преступления. Сама по себе выдача как процедура регламентируется процессуальными нормами, но основание выдачи всегда имеет материально-правовую основу. При этом возможность или невозможность выдачи лица другому государству также не является вопросом определения преступности или наказуемости деяния.⁴⁷

Все рассуждения о том, какие охранительные общественные отношения подлежат регулированию международным уголовным правом, позволяют прийти к следующим выводам: это общественные отношения, возникающие по поводу совершения деяния, преступность которого определена в международно-правовых актах. При этом охранительные общественные отношения, регулируемые международным уголовным правом, характеризуются следующей особенностью: приоритет юридического регулирования по международному уголовному праву имеет место, если национальный закон не содержит либо содержит противоречащую международному уголовному праву норму о преступности деяния по международному праву. Кроме того, в предмет международного уголовного права входят охранительные общественные отношения, связанные с международно-правовой регламентацией наступления уголовной ответственности по национальному законодательству государств.

Анализ актов международного права позволяет говорить также о том, что в предмет международного уголовного права входят и общественные отношения *общепредупредительного* характера. Данные отношения связаны с удержанием лиц от совершения преступлений по международному уголовному праву. При этом средством такого удержания является угроза применения строгого и неотвратимого наказания.

Видимо, одной из главных целей общепредупредительного воздействия международного уголовного права и является поддержание мирового правопорядка. «Духом» этой задачи пропитан практически каждый международный документ уголовно-правового характера.⁴⁸

Действительно, «болезнь всегда лучше предупредить, чем лечить». Именно с этим связана прямая и явная угроза применения самых строгих мер ответственности, адресованная потенциальным преступникам и многократно повторяющаяся в самых различных международных актах. При этом неотвратимость наказания, видимо, является главным средством общепредупредительного воздействия международного уголовного права. Оставим без комментариев одно из положений преамбулы Римского Статута Международного уголовного суда: страны-участники приняли этот документ, «будучи преисполненными решимости положить конец безнаказанности лиц, совершающих такие преступления, и тем самым (выделено нами. – А. К.) способствовать предупреждению подобных преступлений».

К тому же сам факт установления преступности деяния в международном уголовном праве налагает на любое лицо обязанность воздержаться от совершения преступления. Подобным образом происходит специальное, присущее только для международного уголовного права регулирование поведения как в мировом сообществе в целом, так и в национальных обществах в частности.

Тот факт, что международное уголовное право устанавливает запрет на совершение преступлений и на национальном уровне, прямо подтверждается многими международными актами. Так, например, геноцид расценивается как международное преступление вне зависимости от того, в военное или мирное время совершен его акт, на территории одного или

⁴⁷ Подробнее о материально-правовых основаниях института выдачи в международном праве см.: Лукашук И. И., Наумов А. В. Выдача обвиняемых и осужденных в уголовном праве. М., 1998. С. 30–36.

⁴⁸ Так, например, в ст. I Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.) читаем: Договаривающиеся Стороны подтверждают, что они «обязуются принимать меры предупреждения» геноцида в военное и мирное время.

нескольких государств.⁴⁹ Более того, ряд преступлений, предусмотренных в международном уголовном праве, как раз направлен как на охранительное, так и на общепредупредительное воздействие на общество внутри одного государства. А нарушение этого запрета расценивается как угроза всему мировому правопорядку.

Так, например, ст. 3 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 года⁵⁰ устанавливает, что государства-участники особо осуждают расовую сегрегацию и апартеид и обязуются «предупреждать, запрещать и искоренять всякую практику такого характера на территориях, находящихся под их юрисдикцией» (выделено нами. – А. К).

Как это ни цинично звучит, но мы считаем, что именно страх наказания во многом удерживает потенциальных преступников от совершения преступлений. И мы разделяем мысль о том, что общественные отношения по поводу реализации воздержания лиц от совершения преступления из уголовно-правового запрета входят в предмет правового регулирования,⁵¹ в нашем случае – в предмет правового регулирования международного уголовного права. В конечном итоге именно от эффективности общепредупредительного воздействия норм международного уголовного права во многом зависит обеспечение мирового правопорядка во имя реализации основополагающего принципа сотрудничества государств для «поддержания международного мира и безопасности».⁵²

Для отечественной теории уголовного права характерно выделение и третьей группы общественных отношений, входящих в предмет национального уголовного права – общественных отношений регулятивного характера.⁵³

Подобные нормы наделяют субъектов правом на правомерное причинение вреда и, при соблюдении критериев допустимости, ответственность за причиненный вред исключается («обстоятельства, исключающие преступность деяния»). Существуют ли регулятивные общественные отношения в качестве составляющей предмета международного уголовного права?

Общепризнанно, что регулятивные общественные отношения регулируют правомерное поведение лица, которое в то же время является поведением социально полезным.⁵⁴

Казалось бы, ряд норм международного уголовного права содержит указание на возможность реализации именно таких общественных отношений. В первую очередь к ним относятся отношения, связанные с освобождением от ответственности по международному уголовному праву.

Так, например, в силу положений п. «b», «c», «d» ст. 31 Римского Статута Международного уголовного суда, основаниями освобождения от ответственности являются:

– состояние необходимой обороны – если лицо причинило вред, но действовало «разумно для защиты себя или другого лица»;

– состояние «вынужденной ответной реакции» на угрозу неминуемой смерти либо причинения тяжких телесных повреждений для него самого или другого лица;

– состояние интоксикации, которое лишало лица возможности понимать противоправность или фактический характер своих действий.

Причинитель вреда, совершивший деяние при этих обстоятельствах, вступает в правовые отношения либо с внутренним, либо с международным правоприменителем. Именно пра-

⁴⁹ Ст. I Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.

⁵⁰ Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 25. Ст. 219.

⁵¹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 9.

⁵² Декларация ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 года.

⁵³ См., напр.: Галиакбаров Р. Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 11.

⁵⁴ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996. С. 10.

воприменитель в итоге решает, освободить лицо от ответственности по международному уголовному праву или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.